

И недавно в столице поползли слухи, и сам император услышал, что сын маркиза Сянькунь, хотя в обычное время и ведёт себя столь же беспутно, как и его отец, слывет человеком глубоко преданным и почтительным. После смерти отца он был охвачен таким горем, что целых десять дней провёл в родовом храме, молясь о упокоении его души на том свете. Это воистину примерный сын, достойный похвалы.

Император сказал:

— Маркиз Сянькунь двадцать лет верно служил в Верховном суде, был усерден и скромен. Нам это весьма по душе. Поскольку у старого маркиза лишь ты, Ци Айцин, единственный наследник, Мы, естественно, не оставим тебя без внимания. Ступай по стопам отца. Мы намерены возвести тебя в должность судьи Верховного суда. Что скажешь, Ци Айцин?

Услышав это, Ци Чжу возблагодарил за милость и принял указ.

Император продолжил:

— Что ж, отлично. После завершения траурных церемоний по старому маркизу отправляйся в Верховный суд для вступления в должность.

Ци Чжу принял приказ, отступил на своё место и более не произносил ни слова.

После окончания утренней аудиенции Ци Чжу не стал задерживаться и покинул тронный зал, не дав возможности подойти даже тем чиновникам, что намеревались выразить ему соболезнования. Те лишь переглядывались.

Сяо Яньюэ также покинул зал и вышел к дворцовой стене, где его уже ожидали стражи Павильона Фупин с конём. Он ловко взгромоздился в седло, и длинные полы его одежд развеялись.

В этот момент Сяо Яньюэ мельком заметил удаляющуюся спину Ци Чжу и, немного поразмыслив, спокойно спросил:

— Слышал, маркиз пережил нелёгкое детство, и в отрочестве его даже похищали злодеи?

Подчинённый ответил:

— Было такое дело. Маркиза похитили, когда ему было шестнадцать лет, и первая супруга старого маркиза, госпожа Чао, скончалась от горя. Дом маркиза задействовал множество мастеров боевых искусств, и лишь спустя четыре года наследника удалось разыскать. Говорят, маркиз из-за своей несравненной, пленительной внешности привлёк внимание главаря одной из школ мира боевых искусств. Тот силой забрал его в супруги и держал взаперти в своём загородном поместье, четыре года не видя солнечного света. Позже ту школу уничтожила враждебная фракция, поместье сожгли, и маркизу удалось бежать. До похищения маркиз был смышлённым, начитанным юношей, стремившимся к чиновной карьере. Но после возвращения, возможно, из-за пережитого потрясения, его нрав резко переменялся: он стал ветреным, безответственным, превратившись в гуляку.

Сяо Яньюэ помолчал некоторое время, затем взял поводья, тронул коня шпорами и направился прочь от дворца.

На следующий день наступил праздник Фонарей.

Днём на рынках царило оживление. Торговцы выставляли на прилавках праздничные безделушки, привлекая любопытную детвору. Закусочные вовсю зазывали покупателей на всевозможные сладости и юаньсяо, а в харчевнях был один из самых прибыльных периодов в году.

В тупичке одного из рыночных переулков ютилась небольшая винная лавка. Посетителей было немного, зато славилась она густым ароматом выдержанного вина и уютной атмосферой.

Эта лавка была совершенно неприметной, и именно благодаря своей незаметности, сохраняя тишину посреди шумного рынка, Сяо Яньюэ иногда заглядывал сюда перед возвращением домой из официальной резиденции Павильона Фупин, чтобы немного отдохнуть.

В тот день Сяо Яньюэ посетил лавку в одиночестве. Возможно, из-за того, что назавтра был праздник Фонарей, гостей оказалось чуть больше обычного.

В лавке появился новый слуга-половой. Он как раз вытирал столы, услышав шаги входящего гостя, бросил тряпку на плечо и громко поприветствовал.

Половой увидел гостя в длинном платье цвета молодого лука с серебряной вышивкой и развевающимся шлейфом. Столь богатые и роскошные одежды простолюдину были не по карману.

Взглянув, он увидел лицо невероятно красивой «девицы». Никогда в жизни не видавший столь ослепительной красоты половой остолбенел на месте, пока хозяин лавки не выскочил из-за стойки, не дал ему затрецину и, подобострастно улыбаясь, не обратился к Сяо Яньюэ:

— Господин Сяо снова почтили наше скромное заведение своим присутствием! Добро пожаловать, добро пожаловать, прошу, садитесь!

Ошеломлённый слуга был отправлен хозяином за вином в погреб и лишь там осознал, что тот назвал посетителя «господином».

Сяо Яньюэ был завсегдаем, каждый раз заказывая лишь несколько закусок да кувшин некреплёного персикового вина. Хозяин отлично понимал, что Сяо Яньюэ — отнюдь не тот человек, каким может показаться простолюдинам, а потому никогда не смел задавать лишних вопросов.

Хозяин спросил:

— Господин Сяо, как обычно — три сезонные закуски и кувшин персикового вина?

Сяо Яньюэ слегка кивнул. Хозяин, приняв заказ, с прежней радушной улыбкой добавил:

— Господин Сяо, завтра праздник Фонарей, так что сегодня наша лавка дарит вам пиалу юаньсяо с кунжутной начинкой в сладком сиропе. Просим принять.

Сяо Яньюэ ответил:

— Благодарю.

Когда хозяин удалился, Сяо Яньюэ неспешно пригубил чай, как вдруг услышал у входа в лавку шаги. Вошедший был облачён в белые одеяния, размахивал белым складным веером, а поступь его была неторопливой и беззаботной.

Пришедшим был не кто иной, как недавно унаследовавший титул маркиз Ци Чжу.

Со смерти старого маркиза минуло уже два месяца. Хотя Сяо Яньюэ видел Ци Чжу каждый день на утренних аудиенциях, они — один гражданский чиновник, другой военный — никогда не пересекались.

Ци Чжу всё ещё пребывал в трауре. Хотя правила ношения траура при нынешней династии не были чрезмерно строги, столь открыто предаваться увеселениям было неподобающим. Не говоря уже о репутации, стоило каким-нибудь цензорам донести на него в докладе императору, и даже если бы это не нанесло серьёзного ущерба, точно навлекло бы царскую немилость.

Вероятно, посещать публичные дома маркизу было теперь не с руки, вот он и выбрал для выпивки неприметную винную лавку.

Едва переступив порог, Ци Чжу заметил Сяо Яньюэ, сидевшего в уединённом углу. На его лице не было и тени смущения от того, что его застали за выпивкой в трауре коллеги по двору. Напротив, он сложил веер и с улыбкой произнёс:

— Неужто сам господин глава Павильона Фупин? Какая неожиданная встреча, честь для меня.

Сяо Яньюэ не питал ни малейшего желания завязывать знакомства с гражданскими чиновниками, тем более с гулякой, и безразлично ответил:

— Маркиз предаётся изысканным утехам.

Ци Чжу сказал:

— Хоть я и в трауре по отцу, но несколько дней без вина — и тело не слушается. Прошу господина глава отнестись с пониманием и не докладывать обо мне императору.

— Маркиз слишком беспокоится, — Сяо Яньюэ опустил взор, отпивая чай. — Мы с маркизом разные. Я не гражданский чиновник и не имею привычки предаваться подобным занятиям.

Выражение лица Ци Чжу не дрогнуло, он лишь слегка улыбнулся, попрощался с Сяо Яньюэ и направился к другому столику.

Вот так-то, глава Павильона Фупин. На словах величает его маркизом, но в его присутствии даже почтительного местоимения не использует, запросто говорит «я» и в открытую намекает, что он бездельник, заодно задев и всех гражданских чиновников.

Ци Чжу, усевшись, также подозвал слугу и заказал блюда: рыбу в кисло-сладком соусе, утку, маринованную в вине, и кувшин креплёного вина «Тайсибай».

Сяо Яньюэ отхлебнул лёгкого вина, поставил чашу и внезапно насторожился.

Его взгляд медленно скользнул по остальным посетителям лавки. В глазах, прикрытых длинными ресницами, вспыхнул холодный, скрытый блеск.

Помимо их двух столов, в лавке находилось ещё с десятков гостей. Мужчины и женщины, кто громко шумел, кто тихо беседовал, никто не смотрел в сторону Сяо Яньюэ.

Но он ощутил леденящую спину убийственную ауру. Его пальцы медленно сжали рукоять меча у пояса, костяшки побелели.

Сяо Яньюэ холодно произнёс:

— Маркиз, пройдите на улицу.

Ци Чжу остановил руку с палочками, поднял на него взгляд и удивлённо переспросил:

— Что?

Сяо Яньюэ с глухим стуком упёр лезвием меча в пол и прищурил глаза:

— Я сказал, выйдите.

Ци Чжу на несколько мгновений застыл, ошеломлённый этим откровенно угрожающим жестом, затем, в полном недоумении, поспешно поднялся.

Торопясь, он нечаянно задел ногой скамью позади себя. Повернувшись, чтобы её поправить, он задел рукавом пиалу с рисом на столе. Фарфоровая пиала тут же разбилась вдребезги, осколки и остатки еды рассыпались по полу.

Ци Чжу засуетился, в панике пытаясь убрать беспорядок. Под пронизывающим, нетерпеливым взглядом Сяо Яньюэ на его красивом лице наконец мелькнула тень смущения.

Он наклонился, поднял скамью и быстрым шагом направился во внутренний двор лавки.

В этот момент из угла донёсся леденящий душу мужской окрик:

— Раз уж вошёл — не уйдёшь!

Мужчина яростно опрокинул стол, вытащил из-под него сверкающий длинный меч. Посетители за соседними столиками дружно вскочили, обнажив клинки. В лавке воцарилась убийственная атмосфера, и нападающие, сверкая сталью, ринулись на Сяо Яньюэ, их удары были точны и направлены в жизненно важные точки.

Знакомьтесь, Ци Чжу — примерный сын.

<http://bllate.org/book/16247/1461122>